

**Владимир
ПЕРШАНИН**

ШТРАФНИКИ СТАЛИНГРАДА

Повесть

Волгоград
2017

Першанин, Владимир Николаевич.

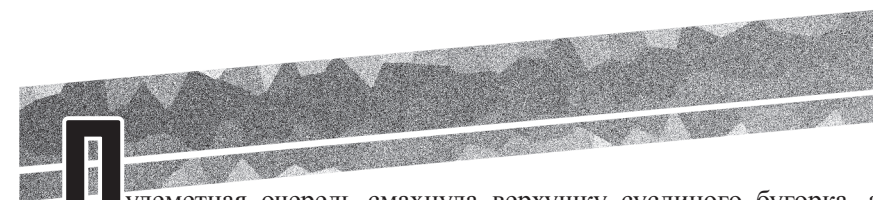
П27 Штрафники Сталинграда [Текст]: повесть / В. Першанин. — Волгоград: Издатель, 2017. — 192 с.

Новая книга волгоградского писателя В. Першанина рассказывает о малоизвестных событиях в период Сталинградской битвы. В центре ее судьба одной из первых штрафных рот, созданных согласно приказу Сталина. Штрафникам приходилось воевать на самых опасных участках, прорывать вражескую оборону, штурмовать хорошо укрепленные высоты. 2-я штрафная рота, входящая в состав 51-й армии, воевала на юго-восточных подступах Сталинграда. В книге показаны разные люди и разные судьбы бойцов и командиров, которых называли штрафниками.

Книга адресована самому широкому кругу читателей.

ББК 84(2Рос=Рус)6-4(2Рос-4Вог)

© Першанин В., 2017
© ГБУК «Издатель», оформление, 2017

Пулеметная очередь смахнула верхушку суслиного бугорка, а ветер развеял облачко глинистой пыли. Бывший сержант, а теперь рядовой боец 2-й отдельной штрафной роты Борис Ходырев заслонил голову винтовкой. Пули, отскакивая, рикошетом уходили вверх и в стороны — до него пока не добрались.

Стоял конец сентября, но здесь в степи, южнее Сталинграда, солнце светило по-летнему жарко. Холм, который наполовину оседлала рота, представлял из себя голую плешину с низкорослой сухой травой. Единственными укрытиями служили редкие промоины и суслиные бугорки. Промоина осталась в стороне, в неё можно было втиснуться всем телом, а здесь Борис лежал на открытом месте. Его приятель Иван Межуев распластался рядом, мокрая от пота спина тяжело вздымалась.

Впереди немецкие пулемётчики добивали прорвавшихся бойцов. Пули простёгивали людей насквозь, кто-то убежал, потеряв голову от страха, кто-то лежал, затаившись, но возможности выбраться ни у тех, ни у других не было. Бегущих срезали одного за другим. Смертельно раненные люди падали, катились под уклон, роняя винтовки.

Бывший комбат и бывший капитан Степан Матвеевич Елхов, долговязый, костлявый, убежал грамотно, бросаясь то в одну, то в другую сторону, длинные руки с широкими ладонями, словно веслами, загребали воздух. Он почувствовал приближавшуюся пулеметную очередь, мгновенно бросился лицом вниз. Инерция и уклон швырнули тело, перед носом Ходырева взлетел пыльный сапог с блестящей подковой. Падение получилось неуклюжим, так валятся убитые, пулемёт переключился на другую цель. Трое красноармейцев спасались тесной кучкой, очередь догнала двоих, третий же в отчаянии поднял руки, но продолжал бежать в обратную сторону от врага.

Сергей Маневич, бывший лейтенант, собрал вокруг себя горстку отчаянных бойцов. Они приблизились вплотную к немецким позициям и приготовились к последнему прыжку. Не получилось. Бойцы погибли,

сражённые очередями в упор, и упали на сухую полынь. Сергей получил от одной пули ранение в бок, другая расщепила ложе винтовки. Маневич сумел втиснуться в узкую щель, промытую талой водой. Расплачиваясь за испуг, немцы долго стреляли по нему, обрушая края промоины, затем швырнули несколько гранат, которые оставили обожжённые проплешины и оглушили смелого лейтенанта. Он затих в своём укрытии, а немцы переключились на другие цели, добывая остатки штрафников.

Командир роты капитан Митрохин, рябой, широколицый, обычно спокойный, сейчас суетился и кричал снизу:

— Куда? Вперёд!

Он призывал продолжать атаку, стрелял из автомата поверх голов, но срывающийся голос не мог остановить бегство. Смерть в виде непрерывных пулёмётных очередей носилась над склоном, люди ускоряли бег, падали, теряя равновесие, кувыркались. Сгораяча поднимались снова и гибли от прицельных очередей. Когда упали все бегущие, настал черёд тех, кто залёг. Двое бойцов, лежавших в нескольких шагах от Ходырева, вскочили. Пули догнали обоих. Один упал и больше не шевелился, второй полз, отталкиваясь локтями. Борис поднял голову и перехватил напряжённый, полный ужаса взгляд солдата. Сквозь гимнастёрку брызнула кровь, человек уткнулся лицом в землю, ещё несколько пуль ударили в тело, слегка пошевелив его.

Полностью погибла группа кавказцев, пять или шесть человек, осуждённые за дезертирство. Держались они тихо, обособленно, выделяясь лишь упорным непониманием русского языка. Они бежали в атаку, всё больше отставая. Война казалась им чуждой, родные горы были далеко, они не видели смысла в этом смертельном противостоянии. Их с трудом поднял один из сержантов, кавказцы заматались, попали под огонь. Двое подняли руки, но в горячке боя все были срезаны пулёмётным огнём. Они остались лежать тесной кучкой, темноволосые, смуглые. Брошенное оружие валялось в стороне. Рядом, как и при жизни, находился мёртвый русский сержант, который пытался сделать из них бойцов, но не сумел.

Пулёмётчики наверху постреляли ещё немного, затем поднялся молодой офицер и оглядел склон. Немец не очень рисковал, наступавшие были смяты и в основном уничтожены. Ходырев имел отличное зрение, глаза разглядели крепко сложенного юношу лет девятнадцати, одетого в легкий серо-голубой китель. Затем вражеский офицер снова опустился в окоп, и над холмом повисла тишина.

Спустя какое-то время к Борису перекатился бывший комбат Елхов. Бегство от смерти далось ему нелегко, длинное лицо нервно подергивалось, гимнастерка под мышкой лопнула, а синие командирские бриджи порвались на коленях. Однако он не забыл о своём оружии, подтянул винтовку за ремень и пристроился рядом с Ходыревым. Теперь их

стало трое. Иван Межуев по-прежнему тяжело дышал, прижимаясь щекой к земле, он боялся шевелиться и со страхом ожидал, вот-вот прозвучит бессмысленная команда «вперед», и теперь-то его точно убьют. Этого ждали и остальные бойцы, надеясь лишь на благоразумие командира роты.

Другой бы так и сделал, поднял бы всех, допёк криками и очередями поверх голов. Штрафников благополучно добились бы, а ротный в сопровождении политрука и старшины мог со спокойной совестью доложить — рота погибла, искупая вину, присылайте новое пополнение. И ему не станут тыкать в лицо неудачной атакой, он выполнил свой долг. Однако Александр Кузьмич Митрохин, вечный капитан и вечный командир роты, пожалел людей. Правда, наполовину. Не бросил в атаку до полного уничтожения, но и не дал команду на отход, рассудив, что всё решится само собой.

На плоской вершине высоты торчала двухметровая каменная баба. Возможно, надгробие похороненного много веков назад знатного воина. Отсюда открывался захватывающий вид. Ергенинская гряда тянулась на много километров. На верхушках топорщился редкий кустарник, а в низинах, куда по весне стекала талая вода, располагались большие и малые рощицы. Кучно росли серебристые тополя. Когда ветер шевелил их листья, они вспыхивали на солнце, словно голубые зеркальца.

Мелкие степные речки к сентябрю полностью пересыхали. Отполированные русла, проложенные водой в красной глине, петляли среди серой полыни. К востоку от подножия гор начиналась огромная равнина, тянувшаяся до самого горизонта. Древняя земля, которую когда-то заселили калмыки.

Уцелевшим бойцам штрафной роты было наплевать на захватывающий вид. Они мечтали дожить до темноты, а дни в сентябре ещё долгие. Хотелось пить, пекло солнце, и один за другим умирали раненые. Некоторые просили о помощи, другие молчали. Немецкие пулёмёты больше не стреляли. Легкораненые понемногу осмелели, начали движение вниз. Иван Межуев имел двоих детей и, несмотря ни на что, хотел выжить. Осторожно тронул Елхова за локоть и предложил:

— Может, и мы поползем, товарищ капитан? Пока фрицы добрые.

— Не спеши, я этих сволочей знаю.

Бывший комбат, воевавший с осени сорок первого года, оказался прав. Когда на склонах зашевелились, стали отползать раненые, а с ними и остальные бойцы, их обстреляли сразу три пулёмёта. Скорострельные МГ-42 работали, как молотилки, рассеивая плотные очереди. Трое-четверо немцев, высунувшись из окопов, вели беглый огонь из автоматов.

Капитан Митрохин отреагировал должным образом. В ответ застучали оба «максима», предназначенные для поддержки атаки. Где они нахо-

дились раньше — неизвестно, но сейчас щедро выпускали длинные очереди. Вместе с ними начали стрельбу несколько человек, открутившихся от атаки, — подносчики боеприпасов, снабженцы, политрук Воронков с помощником.

Политрук, крупный, спортивного вида парняга из бывших комсомольских работников, вёл огонь из винтовки. Он умел проявить активность в любой ситуации. Успевал целиться, хотя попасть в кого-то из винтовки на расстоянии семьсот метров было невозможно. Помощник, числившийся в штатном расписании как агитатор подавал Воронкову обоймы и старался не поднимать голову. Таким образом, создавалась полная иллюзия боя, передний край гремел, все заволочло дымом, а Митрохину позвонили из штаба дивизии:

- Что, взяли высоту?
- Дерёмся, товарищ майор.
- Когда возьмёте, сразу сообщите.
- Есть. Только...

Его не дослушали, бросили трубку. «Максимы» вели огонь снизу вверх. Не сказать что шумное прикрытие оказалось эффективным, однако, немцы стали нести первые потери. Прилетевшая пуля ударила в лицо солдата, его положили на дно окопа, где он вскоре умер. Офицер, стрелявший из автомата, получил лёгкое ранение в руку. Русские «максимы» опасно пристрелялись, над брустверами поднималась глинистая пыль от попаданий пулемётных очередей. Офицер поглядел на ладонь, испачканную кровью, и отдал распоряжение не высовываться.

Дуэль понемногу затихла. Бесконечно долгим оказался сентябрьский день. Солнце будто повисло на одном месте, медленно тянулись часы. Борис изредка менял положение, ныл позвоночник, хотелось просто согнуть и разогнуть тело, но удавалось лишь пошевелиться. Пулеметчики стерегли склон, и в отместку за смерть товарища посылали очереди во всякое шевеление.

Очень неудобно чувствовал себя бывший лейтенант Сергей Маневич. Узкая щель, в которую он с трудом втиснулся, находилась в ста шагах от немецких окопов, он слышал негромкий разговор и даже ощущал табачный дым. Рана на боку пекла и чесалась, хотелось потрогать её, но гимнастерка присохла намертво. Кроме того, слишком высоко торчала левая нога, ей не хватило места в промоине. Сергей со страхом ожидал, что скучающий немец всадит в неё очередь, ломает кости, и тогда уж точно из глиняной норы не выбраться.

Однако он дождался темноты и осторожно пополз вниз, даже прихватил винтовку одного из погибших. В рощице у подножия собрались уцелевшие. Жадно глотали солоноватую колодезную воду, никак не могли напиться. Ивану Межуеву стало плохо, кружилась голова, к горлу

подступала тошнота. Сквозь звон в ушах он слышал, как спорят со старшиной Глуховым, требуя водки.

— Утром будет, — отвечал тот.

— А почему не сейчас? Нам полагается.

Политрук Воронков, как всегда весёлый и энергичный, с сочувствием объяснял:

— Водка полагается перед атакой, товарищи. На рассвете подвезут, я лично прослежу, чтобы все получили.

— В бой тоже лично поведёте? Или заочно?

Это спросил Сергей Маневич, который наконец отодрал присохшую к телу гимнастёрку и убедился, что пуля лишь надорвала кожу. Даже с такой раной можно было идти в тыл, но Митрохин попросил его остаться, и он согласился. Не хотел бросать Елхова, Ходырева и других ребят, с которыми подружился. Воронков не ответил. Зачем дразнить людей, которых завтра всё равно добьют.

Молчал и капитан Митрохин. Неудача была оглушительной. Полчаса назад он имел неприятный разговор с командиром дивизии, которому временно подчинили роту. Полковник обозвал Митрохина мямлей и грозил лично навести порядок.

— Ты кого жалеешь? — кричал он в трубку. — Дезертиров и трусов? А может, себя? Так я тебя не пожалею.

Тогда Митрохин вспылил и ответил матом. Комдив этот язык понимал лучше, успокоился и закончил разговор миролюбиво.

— Ладно, отдыхай и готовься. Но завтра отсидеться не надейся. Поведешь людей вместе с политруком. В одной цепи. Согласен?

И повесил трубку, не дожидаясь ответа. Согласен или не согласен — какая разница? Митрохин с тоской вспомнил, как летом под Котельниково на глазах у него застрелили отставшего на марше командира роты бронебойщиков. Тот привёл своих людей, когда бой уже заканчивался. Непонятно, насколько заслуженной оказалась расплата за медлительность, но разбираться не стали, слишком нервной складывалась обстановка. Тот капитан успел лишь удивиться. Его застрелили, объявив трусом, а командование принял взводный.

Потери оказались огромными. В третьем взводе, где числились Елхов, Маневич, Ходырев, Межуев, остались тридцать человек из восьмидесяти, командир был убит. Погибли большинство сержантов, которые не были штрафниками, но бежали в атаку в одной цепи. В других взводах дела обстояли не лучше.

Люди были подавлены, никак не могли поверить, что выжили. Сил хватало лишь на короткий пустой спор из-за водки, сейчас все лежали и молча курили. Митрохин видел, что многие бойцы вернулись без оружия, но нравочений читать не стал. Коротко приказал старшине со-

брать винтовки и принести. Цепочка снабженцев и санитаров потянулась вверх, они надеялись завтра снова уклониться от боя.

В ночи ярко светили звёзды, ветерок шевелил верхушки тополей, воздух был свеж, плыл запах полыни. Борис Ходырев лежал опустошённый, не оставалось места ни для страха, ни для переживаний, лишь тупое равнодушие.

В отличие от него Иван Межуев не мог унять дрожь во всем теле. Раньше он служил ездовым в хозяйственном взводе, смерть видел лишь издаലെка. Попал в штрафную роту, толком не зная войны, а сегодня испытал настоящий ужас. Ему казалось, он видел пули, которые летели в него и жутко ввинчивались над головой.

На глазах Межуева пулеметная очередь перехлестнула пожилого штрафника. Дядька умудрился встать на сломанные ноги, но тут же свалился, а когда Иван бежал обратно, разглядел огромное пятно крови во круг умирающего человека.

Елхову приказали временно возглавить остатки взвода. Бывший комбат не преминул съязвить:

— Неужели доверяете?

— Собери хотя бы людей в одном месте, — попросил Митрохин.

Он раздумывал, кого назначить взводным. Воронкова бесполезно, тот сумеет уклониться под любым предлогом да ещё пожалуется в полтотдел. Митрохин без колебаний назначил бы Елхова, но тот являлся штрафником. Скорее всего, завтрашняя атака закончится неудачей, начнут цепляться к мелочам, могут спросить, почему взводом командовал рядовой.

— Ноги не гнутся, — пожаловался Воронков. — Вот ведь чертовщина...

Он поморщился. В темноте виднелись светлые волосы, блестели зрачки. Политрук был высокого роста, атлетического сложения, в университете занимался спортом. Он угадывал, что взводным могут назначить его, и готовил отговорки.

— Ладно, не стомай, — сказал Митрохин, который наконец принял решение, но для этого требовалось поговорить с Елховым наедине.

— Давай прогуляемся, Степан Матвеевич, — предложил он.

И в стороне чётко изложил бывшему комбату перспективы завтрашнего дня. Атака будет до последнего человека: рота либо выполнит задание, либо останется на холме. Ничего нового для себя бывший комбат не услышал.

— Какая разница в качестве кого я завтра пойду? Убьют в любом случае.

— Разница в том, что в случае отказа ты побежишь, как бычок на убой. Сзади вас будет подталкивать Воронков с помощниками. Когда все

+ 1 строка

героически погибнут, он вернётся и отрапортует об этом. А командуя взводом, ты будешь иметь хоть какой-то маневр.

— Брось, Александр Кузьмич. Полоса наступления взвода всего сто шагов, нас перебьют за несколько минут.

Два опытных, достаточно послуживших капитана не спеша обсуждали ситуацию. В голове бывшего комбата зрели какие-то мысли, не до конца оформившиеся. Оба курили командирские папиросы «Эпоха», а ещё Митрохин обещал принести водки.

— Неси, — согласился Елхов, — легче думать будет.

Шестая армия Фридриха Паулюса в конце сентября прочно увязла в Сталинграде в уличных боях. Немцы оседлали в нескольких местах правый берег Волги, а 62-я армия Василия Чуйкова обороняла полосу шириной двести метров. Казалось, ещё немного и город падёт. Но этого не происходило. Ожесточение боев достигало высшего предела, роты и батальоны исчезали полностью, а от полков оставались одиночные бойцы и командиры.

На левый берег живых солдат (да и мертвых тоже) не переправляли, путь был в один конец. Или погибай, или побеждай. Эвакуировали раненых, но не так много добиралось их до санбатов и госпиталей, укрытых в пойменных лесах. Приходилось ждать до ночи под обрывом, а переправа через Волгу обстреливалась прямой наводкой.

Немцы топили суда с ранеными, с пополнением, которое непрерывно двигалось в Сталинград. Судьба города, а многие считали и войны, висела на волоске. Расстояние от западных границ Советского Союза до Волги составляло две тысячи километров, враг вклинился глубоко.

Во всех странах следили тогда за событиями в Сталинграде. Однако не менее драматические события разворачивались в степях южнее города. Немцы пытались прорваться к Астрахани, которая являлась перевалочной нефтебазой. Если окончательно затянуть петлю на Нижней Волге, то будет наглухо перекрыто поступление нефти в центральную часть Советского Союза.

Вторая штрафная рота являлась одним из ударных подразделений 51-й армии, сражавшейся на огромном пространстве в калмыцких и астраханских степях. Рота была создана согласно приказу Сталина «Ни шагу назад!» и принимала сегодня свой первый бой. Пока провальный, грозящий полным разгромом.

Оба капитана искали выход из тупика. В этой головоломке главной ставкой была их собственная жизнь. И Митрохин и Елхов имели семьи, детей, хотели выжить. Сейчас они очень нуждались друг в друге. В роте не было командира опытнее Степана Елхова, и самое главное, он обладал склонностью к авантюрам, решительностью.

— Допустим, я принимаю предложение, — осторожно сказал бывший комбат. — А что дальше? Что мы имеем?

Оказалось, что рота практически ничего не имеет. В строю осталось сто тридцать человек. Ещё десятка полтора тыловиков поставят на рассвете в ряды атакующих, но они ничего не решат. Помощи от дивизии ждать нечего, она растянулась по опорным пунктам и способна кое-как лишь защитить себя, но предпринять активные действия не в состоянии. А этих действий настойчиво требуют, чтобы сбить темп немецкого наступления.

— Атака в лоб добьет роту окончательно, — рассуждал Елхов. — Надо придумать что-то другое.

— Надо, — соглашался Митрохин.

— Пару-тройку полуторок организуешь?

— Смеешься? Лошадей не хватает, не то что машин.

— Значит, пешим ходом двинем. Надо обходить чёртов холм с двух сторон, наносить удар с тыла, ну а затем атаковать.

— Стратег. Кто позволит штрафников в немецкий тыл запускать?

На самом деле Митрохин и сам пришел к такому решению, но в силу своей должности не мог его осуществить. А вот штрафной капитан Елхов может. Ему терять нечего, а если не получится, ну и черт с ним. Рота в любом случае обречена. Немного поспорив, решили, что классического обхвата с двух сторон не получится, действовать надо проще. Елхов возьмёт с собой остатки взвода, часа в четыре утра начнет движение и с рассветом ударит с тыла.

Для штурмовой группы требовались автоматы. Их имелось всего несколько штук. За гранатами Митрохин пошлёт старшину, ещё он может подбросить Елхову пять наганов, хранившихся в обозе.

— Тебе свой ППШ отдам, — сказал ротный.

— И ещё одно условие, — торговался бывший комбат. — В атаке будет участвовать Воронков, хватит ему отсиживаться.

Елхов был злопамятен. За время пребывания в штрафной роте он сумел испортить донельзя отношения с политруком. Степан Матвеевич постоянно подковыривал Воронкова, ставил в тупик неожиданными вопросами. По этой причине Елхова не утвердили даже командиром отделения. Благодаря замполиту, бывший капитан не вылезал из униженных нарядов. Всё это делалось в присущей Воронкову бодрой манере, со смешками. Независимого комбата просто гноили.

— Чёрт с ним, с Воронковым, — отмахнулся Митрохин. — Если решились, надо готовиться.

Старшина с помощниками принесли четыре ящика гранат. Оказалось, что во взводе с ними умеют обращаться не более десяти человек, а в боевой обстановке применял лишь Сергей Маневич. Елхов уже ничему не удивлялся. Когда проверял винтовки, выяснилось, никто во вре-

мя атаки не выстрелил. Люди бежали с боевым оружием, как с деревянными палками.

— Бардак какой-то, — возмутился Елхов.

— У тебя в батальоне, конечно, лучше дела обстояли, — съязвил Митрохин.

Он недолюбливал Елхова за высокомерие. Тот по-прежнему ощущал себя комбатом и пренебрежительно относился к офицерам штрафной роты, включая Митрохина.

Тем временем Елхов назначил Сергея Маневича и Бориса Ходырева командирами отделений, вручил автоматы. Большинство сержантов, которые не являлись штрафниками, погибли, заменять их было нечем. Довольно сложные в обращении гранаты РГД-33 получили те, кто хотя бы теоретически умели ими пользоваться.

— Провернуть рукоятку вот так и затем встряхнуть, — напоминал Елхов. — Понятно?

— Ага, — кивал Иван Межуев, но в голосе бывшего колхозника угадывалось лишь напряжение.

Если Межуев был по натуре добродушным парнем, далёким от военных дел, то Борис Ходырев, более решительный и живой, загорелся охотничьим азартом. Он пересчитал отделение, проверил винтовки и приказал поставить их на предохранители. Плохо обстояли дела с обувью. Некоторые носили ботинки на босую ногу, стёрли до крови пальцы. У двоих ботинки развалились. Помог старшина, принес пару сапог, мягкую проволоку для ремонта и большой кусок портяночного полотна.

Бойцы расселись на траве, меняли истлевшие портянки, обматывали сбитые ноги полотном, подвязывали ботинки проволокой. Этим же занималось отделение Маневича. Большинство штрафников не ужинали, завтракать также отказались.

— Успеем брюхо набить хоть на том, хоть на этом свете. А в бой лучше налегке идти.

Митрохин неплохо знал людей и нескольких человек в третьем взводе заменил. Опасался, что перебегут на сторону врага. Хотел забракать и Межуева.

— Ни рыба ни мясо, — объяснил он Елхову.

Межуев спрятался за спину Ходырева. Его пугал непонятный ночной рейд, но ещё больше боялся он утренней атаки.

— Пусть остается, — махнул рукой бывший капитан. — Парень сильный, винтовку крепко держит.

А Воронков произнес короткую речь, обращаясь к комсомольцам. Имелись ли среди штрафников члены партии, Борис не знал. По крайней мере, никто свою принадлежность к партии не показывал.

— Рядовой Ходырев, я на вас надеюсь, — сказал в заключение Воронков. — Не подведёте?

— Конечно нет, товарищ старший политрук.

Вышли часа за полтора до рассвета. На северо-западе, там, где находился Сталинград, мерцали далёкие сполохи. Здесь, в степи, было тихо, война давала знать о себе редкими пулеметными очередями и вспышками ракет. При бледном свете луны поблескивали белки глаз, выделялись выцветшие до белизны гимнастерки. Взвод шел нестройной кучкой, отделения смешались, бряцало оружие, котелки. Остановив людей, Елхов приказал сложить котелки на землю. Его послушались, команда была разумной.

Бывший комбат не питал иллюзий насчет высокого боевого духа временных подчиненных. В большинстве это были уставшие от войны люди, мало во что верившие. Он рассчитывал на лейтенанта Маневича, дисциплинированного, по-настоящему ненавидевшего немцев. Надёжным казался ему Борис Ходырев и его приятель Иван Межуев. Уголовники Надым и Антоха вызывали враждебное недоверие. Он никогда бы не рискнул взять их в такое дело, но выбора не оставалось.

Рассвет ещё не наступал, но звёзды на восточной стороне неба теряли свою яркость. Немецких позиций видно не было. Здесь отсутствовала сплошная линия фронта, колючая проволока, широкие траншеи, да и тыла как такового не имелось. Небольшие вражеские части продвигались вперёд, занимали господствующие высоты, выдавливая наши части на восток.

Сверкнула и погасла мгновенная вспышка. С секундным опозданием прилетели крик раненого человека и звук взрыва. Взвод дружно бросился на землю, а справа причитал человек, слышались ещё крики, вспыхнули несколько ракет.

— Лежать, надо лежать, — бормотал Елхов. — Неужели обнаружили?

Однако взвод пока не заметили. На противопехотной мине подорвался перебежчик, двое других подняли руки и медленно шли к немецким окопам.

С нашей стороны открыли огонь, завязалась перестрелка. Неожиданный переполох получился некстати, но он обнаружил прореху во вражеской обороне, куда торопливо втянулся взвод. Отчётливо слышались голоса, враг оказался совсем близко.

Взвод мгновенно преобразился. Это была уже не та беспорядочная толпа, гремевшая котелками и наступавшая друг другу на пятки. Тридцать человек, обозленных на свою судьбу, войну, проклятых фашистов, превратились в единый механизм. Ещё недавно их гнали на убой, как скотину. Многие задавались вопросом, для чего это нужно?

Атака снизу вверх прямо на пулемёты была обречена. Может, разведка боем? Неужели для этого надо гробить три сотни людей? Не виделось никакого просвета, сейчас появилась надежда, наверняка кто-то выжи-

вет. А если придется подохнуть, то случится это в горячке боя. Не придётся бежать тупым стадом, испытывая беспомощность и ужас неминуемой смерти.

Вперёд выдвинулись те, кто считали себя смелыми. Командиры отделений Маневич и Ходырев, уголовник Надым, а с ними их приятели и земляки.

— Без выстрелов, мужики, — негромко советовал Елхов. — Орать тоже не надо.

— Сделаем.

— Ну, сучье племя, держись.

Некоторые примкнули штыки. Надым примеривал в толстой руке саперную лопатку. Иван Межуев перебросил винтовку из руки в руку, он отслужил срочную до войны и был обучен штыковому бою. Борис Ходырев не имел дела с автоматами, забыл, в какую сторону передвигать предохранитель, но спрашивать не стал.

— Пошли, — подал последнюю команду Елхов.

Он сумел привести взвод в полной темноте в нужное место, теперь всё зависело от бойцов. Несмотря на решительность, люди медлили. Подгоняя их, на склоне холма сверкнули вспышки пулеметных очередей. Борис наконец вспомнил, как действует предохранитель и шагнул следом за Елховым. Кто-то выронил гранату, подобрал её и больше не выпускал из руки.

Если третий взвод, сплоченный и злой, готовился к бою, то внизу дела обстояли не так благополучно.

Из штаба дивизии явились проверяющие: особист Иван Андреевич Стрижак и политработник. Вначале они не вмешивались, держались вполне дружелюбно. Спокойно, хоть и скептически, восприняли известие о третьем взводе, посланном в обход.

— Ну ты полководец, Александр Кузьмич, — только и сказал особист.

Получилось так, что Стрижак принял самое деятельное участие в создании штрафной роты. Никто не представлял, как всё будет выглядеть, штаты пришли временные. Поэтому решили, что если речь идёт о людях, преступивших закон (или воинские приказы), то не обойтись без особого отдела.

— Ваш взвод к немцам не забредёт? Вот шутка получится, — сказал политработник, имевший звание полкового комиссара.

Никому такой исход шуткой не показался. Нынешним летом под Харьковом сдавались в плен сотрудники штабов, не говоря уже о рядовых бойцах. Что мешает сдать взводу штрафных бойцов? Капитан Митрохин всё больше нервничал и жалел, что предпринял такую авантюру. Отвечать будет он, а политрук, как обычно, останется в стороне.

Жизнь никогда не баловала Александра Кузьмича. После нескольких лет сверхсрочной службы он окончил курсы командиров, получил взвод, а роту — спустя долгое время. За спиной посмеивались над его северной медлительностью (он был родом с Вологды) и малообразованностью. Командир он был добросовестный, исполнительный, но начальство не видело в нём молодцеватости, готовности немедленно исполнить любой приказ.

Эти недостатки, а также неумение бодро рапортовать поставили его в разряд неперспективных командиров. Карьера Александра Кузьмича не складывалась, сослуживцы командовали батальонами, некоторые шагнули выше. Митрохин являлся хорошим организатором, в бою не прятался за чужие спины, но двигать вверх его не собирались, в капитанах он ходил с тридцать девятого года. Предложение возглавить штрафную роту воспринял с недоверием.

Стрижак, занимавшийся комплектацией, нарисовал перед ним заманчивые перспективы. Права командира отдельной штрафной роты приравнивались к правам командира полка, один месяц службы шёл за шесть. Не последнюю роль играло жалование, которое составляло со всеми надбавками полторы тысячи рублей. Александр Кузьмич не был слишком жадным до денег, но привыкший считать каждый рубль, прикинул, что даже за несколько месяцев сумеет скопить неплохую сумму. Кроме всего прочего, Митрохину пообещали майорское звание, которое на прежней должности не светило. Сейчас он проклинал себя за необдуманное решение. За час истребили половину роты, судьба остальных представлялась такой же мрачной.

— Ладно, не дёргайся, — угадал его состояние Стрижак. — Никуда Елхов не денется. А если что, побежишь в атаку впереди.

— И побегу, — набычился ротный. — Мне не привыкать.

— Молодец, злым становишься.

Воронков не разделял решимости командира, но здесь находился представитель политотдела. А значит, от личного участия в атаке не отвертеться.

Бойцам в темноте наливали водку. Старшина Прокофий Глухов имел двухсотграммовый мерочный стакан, наполнял его доверху и опрокидывал в подставленные кружки. Те, кто покрепче, получали довесок. Кашу и хлеб никто не трогал, водку запивали водой. Через полчаса над исходными позициями висел махорочный дым.

Люди, одурманенные большой порцией алкоголя, пришли в возбуждение. Особист знал, что скоро это возбуждение превратится в усталую депрессию, надо использовать моменты наивысшего подъёма, но Митрохин медлил.

— Чего ждём? Начинайте, — торопил капитана политработник из дивизии.

Митрохин поглядел на особиста, тот зевнул и предложил подождать ещё немного. Стрижак рисковал. Он не имел права вмешиваться в командные дела. Если наступление провалится, ему припомнят потерянные минуты. Но особист имел характер и верил штрафнику Елхову, который затерялся где-то в темноте. Почему он не даёт о себе знать? Может, сбился с пути и где-то бродит? Ждать дальше было нельзя, медленно подступал рассвет.

— Ладно, пошли, — сказал он.

Митрохин дал сигнал, рота пришла в движение, полезла вверх по склону. Активных командиров взводов и отделений за вчерашний день выбили, оставшиеся в живых не торопились. На этот раз в тылу никого не оставили, шагали санитары, снабженцы, подносчики боеприпасов. Разномастная тыловая братия отставала, выигрывала время. На них оглядывались остальные бойцы, тоже замедляли шаг, тревожно переговаривались.

Немцы услышали шумное восхождение издалека, выпустили ракету, но огонь пока не открывали. Это пугало людей ещё больше, ротный каптёр присел и сделал вид, что поправляет сапог, но его подтолкнули другие штрафники.

— Попробуй сбеги. Это тебе не шинели считать.

Рота ускорила шаг. Хотелось быстрее покончить с неизвестностью. Алкоголь продолжал действовать, люди приходили в возбуждение и желали драться. Политрук Воронков, ещё больше хромая, пытался отстать. Митрохин подталкивал его. Тот отшучивался, скрывая за смешками страх.

Немецкие пулемётчики выждали положенное время, затем вспыхнули сразу несколько ракет, и сверху понеслись пучки ослепительно ярких трассирующих пуль.

Старшине Глухову поручили командовать расчетом пулеметов «максим». Поддерживая роту, он открыл довольно точный огонь. Его трассеры пересекались с вражескими, утыкались в пульсирующие вспышки, возможно, находили цель.

На Глухова обратили внимание. Сразу два МГ-42 скрестили огонь на русском «максиме». Несколько пуль ударили о щиток с такой силой, что старшина невольно выпустил рукоятку.

Второй номер опустился на дно окопа и шумно дышал. Глухов сидел рядом, ожидая, когда немецкие пулемёты перенесут огонь на другую цель. Бруствер осыпался сухими комками, разрывные пули щелкали, как удары кнута, вспыхивая мгновенными огоньками. Второй «максим», находившийся в десяти шагах, тоже молчал. Командир расчета ворочался на дне окопа, зажимая ладонью рану на лице. Санитаров внизу не осталось, а помощник раненого пулемётчика растерялся.

Тогда старшина стал вести огонь из обоих пулеметов по очереди. Опомнился помощник, взял себя в руки. Такая активность помогла остаткам роты продвинуться ещё немного. Затем вражеский огонь усилился, и началось повторение вчерашнего дня. Бежавшие впереди гибли один за другим, остальные ложились на землю, отползали или прятались за телами убитых товарищей.

Вспышки ракет высвечивали в рассветной полутьме картину разгрома. Мелькали искаженные гримасами лица, люди беспорядочно металась, их преследовали собственные тени. Кто-то кричал, раздавались редкие винтовочные выстрелы. Потерявший голову боец бежал со штыком наперевес прямо на вражеский пулемет. Споткнулся о мертвое тело, упал, и это его спасло. Вставать снова решимости не хватало, атака захлебывалась. Капитан Митрохин понял, настала его очередь. Передернул затвор ТТ и толкнул политрука.

— Пошли, Виктор.

— Убьют ведь...

— Свои тоже не пощадят. Подохнем, как труссы.

— Страшно, — просто, по-человечески пожаловался Воронков и вылез из окопа.

Командир и политрук двинулись вперед, держась вплотную друг к другу. Оба хорошо понимали, жизни им отпущено несколько десятков шагов. Переломить ситуацию и спасти их от смерти могло только чудо. О взводе Елхова оба не вспоминали.

Первым натолкнулся на врага разжалованный лейтенант Сергей

Маневич. Перед ним оказался подносчик боеприпасов, тащивший на плече ящик с патронами. В другой руке он нёс десятилитровую канистру с водой. Два пулемета неподалеку вели такой интенсивный огонь, что заглушили остальные звуки. Белорус, не имевший известий о семье с осени прошлого года, стал для врага смертельно опасным хищником. Он возник перед немецким солдатом, как приведение, и дал очередь в упор.

Брякнулись на сухую землю тяжелый ящик и канистра, солдат падал, согнувшись в поясе. Сергей Маневич уже стрелял в другого солдата, сидевшего в неглубокой ячейке спиной к нему. Тот обернулся, прямо в лицо бил вспышками громоздкий русский автомат с дырчатым кожухом. Немец задохнулся от мгновенного страха, он совсем не ожидал появления врага. Прятаться негде — окоп был неглубоким. Он завалился набок и застыл с открытыми глазами.

Капитан Елхов расправлялся с пулеметным расчетом. Хотя он стрелял с близкого расстояния, длинная торопливая очередь получилась неточной. Елхов сумел ранить фельдфебеля, а второй номер, юркий, спортивный, бросился на него, обхватил за ноги и свалил. Они возились на

дне окопа. Длинный мосластый капитан сдавил глотку врага, но тут же получил сильный удар в глаз и невольно разжал ладони. Солдат мгновенно вскарабкался на него и стал душить.

Иван Межуев кричал, выставив перед собой винтовку со штыком, разыскивая врага. В дальнем конце неглубокой траншеи поднялся офицер, выстрелил в красноармейца из пистолета. Промаяхнул, снова нажал на спуск, однако сбоку возник уголовник Надым. Именно таким рисовали на плакатах кровожадных азиатов: плосколицых, с раскосыми глазами и звериным бессмысленным взглядом.

Саперная лопатка ударила под каску, перерубила ремешок и нижнюю челюсть. Офицер задохнулся от мгновенной боли и, подхватив ладонью челюсть, бросился убежать от смерти. Ещё минуту назад он удовлетворенно наблюдал, как пулеметы уничтожают толпу русских, чувствовал себя уверенным и непобедимым.

Сейчас уверенность исчезла, кровь заполняла горло, мешала вдохнуть, туманилось сознание. Его догнал другой уголовник Антоха, неумело перехватил винтовку, хотел добить прикладом, но получил очередь от вражеского солдата и свалился на землю.

Штрафники растекались по неглубокой траншее, вспыхивали быстрые и жестокие схватки. Борис Ходырев бросился на пулеметчика, который душил Елхова, тот оказался хорошо тренированным умелым солдатом. Сплелся клубок из трёх тел. Полузадушенный капитан, не обращая внимания на сдавленное горло, колотил врага кулаками. Удары достигли цели, пулемётчик ослабил хватку.

Иван Межуев, двадцатилетний колхозник из Ульяновской области наконец отыскал объект атаки. Он не растерял навыки штыкового боя, которому обучали во время срочной службы, и сейчас это умение пригодилось. Штык вошел в живот автоматчику, только что уложившему очередь в упор воренка Антоху. Автоматчик ахнул и присел, зажимая рану ладонями. Жало штыка, испачканное кровью, описывало полукруг, выискивая новую жертву.

Сергей Маневич, расстреляв за минуту диск, выдёргивал из подсумка запасной. Борис Ходырев никак не мог справиться с пулеметчиком. Елхов, лежа на боку, задыхался, кашлял и помочь не мог. Вражеский солдат одолевал. Он крепко придушил Елхова, теперь взялся за Ходырева. Борис нащупал под рукой железяку, это оказался противогазный футляр, и стал остервенело колотить по лицу пулеметчика, через несколько секунд пальцы разжались, немец был оглушен.

Два вражеских солдата погибли под ударами штыков, третий пытался заслониться винтовкой, которую не успел перезарядить. Его пырнули сверху вниз. Другие солдаты растерялись и непрестительно медлили, пока русский выдергивал у убитого застрявший в грудной клетке штык.

Многие просто не ожидали от медлительных и неповоротливых славян такого напора. На месте убитого русского тут же возникал новый, который несся прямо на пули, выставив вперед узкое жало четырехгранного штыка. Это привело к замешательству. И всё же у немецкого взвода, оседлавшего холм, ещё имелись шансы выиграть бой.

Расчет на правом фланге перебросил МГ-42 на задний бруствер. Пулеметчик открыл огонь, очереди с близкого расстояния смахнули группу штрафников из пяти-шести человек. Закончилась лента. Второй номер мгновенно подsunул новую, лязгнула крышка, затвор послал в ствол желтый патрон, рука легла на рукоятку. В противоположной стороне немцы давали отпор под руководством унтер-офицера, который навскидку стрелял из винтовки, сумел свалить двоих штрафников.

Моральный дух немецких солдат в тот период был очень высок, они имели отличное оружие и опыт побед. В то же время они очень ценили собственную жизнь. Пулеметчики и унтер-офицер уже нанесли неплохой встречный удар, уверенно перехватывая инициативу, но удача им не сопутствовала.

Молодой офицер с разрубленной челюстью потерял голову. Рот наполнился кровью, он не мог дышать, страх смерти гнал его непонятно куда, возможно, искал санитаря, он очень не хотел умирать. Вид бегущего командира всегда действует на подчиненных разлагающе. Возникла заминка.

В эти же минуты на пулеметчиков посыпались шестисотграммовые гранаты РГД-33. Чтобы такая штука взорвалась, требуется повернуть рукоятку, затем встряхнуть гранату, как градусник, и лишь затем швырять.

Плохо обученные бойцы забывали сделать либо одно, либо другое.

Гранаты летели как попало, не взрываясь, но их было много, и нервы у расчета МГ-42 не выдержали. Первый немец, так и не выстрелив, отпустил рукоятку и бросился на дно окопа. Одна из гранат всё же взорвалась. Осколки разлетелись по траншее, ранив сразу нескольких человек. Из окопа выскочил солдат возрастом старше других и бросился вслед за офицером.

Это оказалось переломным моментом боя, которым мгновенно воспользовались штрафники. Сергей Маневич стрелял налево и направо, опустошая диск. Ни в кого не попал, но усилил неразбериху. Капитан Степан Елхов в порванной гимнастёрке и с ссадинами на лице, выкрикивал команды и всячески подбадривал взвод. В его командах люди сейчас не нуждались, но присутствие опытного командира усиливало моральный дух.

Унтер-офицер, светловолосый, скандинавского типа красавец, бежал к брошенному пулемёту с заряженной лентой. Уже тянулся к нему пальцами, но ещё быстрее приближался Борис Ходырев. На бегу дал од-

ну — вторую очередь, затем остановился. Бывший сержант ещё не привык убивать. Враг находился на расстоянии двух шагов, Ходырев видел его загорелое, хорошо выбритое лицо, глаза, глядящие в упор.

Унтер (тот же сержант) воевал раньше на Западном фронте, а теперь уже полгода находился в России. Он не считал русских серьезным противником, но сейчас, оказавшись с одним из них наедине, напряженно искал выход из смертельно опасной ситуации. Невысокого роста, смуглый, в обшарпанной форме, русский солдат медлил, словно давая шанс выкарабкаться из переделки. Унтер медленно поднял обе руки и заговорил.

Русский слушал. Теперь следовало броситься на него и отнять оружие. Нужно просто сделать шаг, подобраться и прыгнуть. Немцу казалось, время остановилось, он осторожно двинул ногу вперед, продолжая оплетать русского паутиной слов. На самом деле время двигалось как обычно, и Ходырев замер всего на несколько секунд. Палец надавил на спуск, последовала длинная очередь. Затвор автомата громко лязгал, подавая в ствол очередной патрон из круглого диска. Когда Борис отпустил курок, оружие дымилось, горячий металл обжигал палец. Унтер-офицер привалился к стенке окопа, на мундире набухало красное влажное пятно.

Немцы отступали по склону. Если в окопах штрафники одержали победу благодаря отчаянной смелости, то организовать преследование и добить врага умения не хватило. Вражеские солдаты из штурмовой 16-й дивизии, имевшие большой опыт, наконец опомнились и сумели организовать грамотное отступление.

Они откатывались перебежками, давая время уйти раненым товарищам. Расчеты двух пулеметов отходили последними, стреляя с пояса, не слишком метко, но с большой интенсивностью. Штрафники, бросившиеся в погоню, тут же легли, не желая больше рисковать. Сергей Маневич, гнавшийся за врагом с пустым автоматом, едва успел увернуться от веера пуль.

Бориса Ходырева спасла быстрая реакция. Он нырнул в окоп, пули разбили в пыль комок земли на бруствере. Немцы тем временем спустились с холма, добрались до грузовика и мотоциклов, стоявших у подножия холма. Бросали в кузов и коляски вещи, спешно грузились, водители газовали, ожидая команду. Степан Матвеевич Елхов, с помятым горлом и заплывшим глазом, был разозлен тем, что его чуть не задушили как кутёнка. Оттолкнув от трофейного пулемета Надыма, он открыл огонь.

Незнакомое оружие сначала слушалось плохо. При каждом нажатии спуска скорострельный МГ-42 выбрасывал длинную очередь, ствол подкидывало. Елхов быстро приспособился и даже всадил в кузов грузовика, стремительно уходившего из-под обстрела, несколько пуль. Солдаты

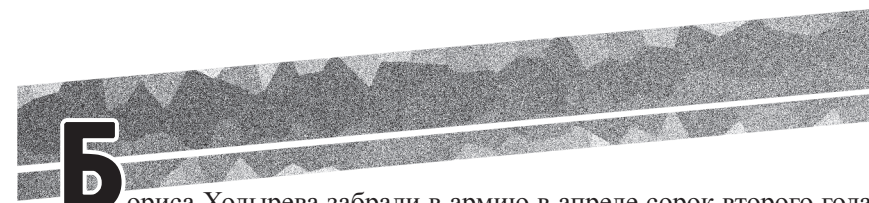
хватались за борта, машину кидало на ухабах, следом тащилось облако бурой пыли. Капитан остался доволен, поднялся из-за пулемета и отдал распоряжение:

— Маневич, Ходырев, посчитать людей, доложить о потерях.

Над холмами и равниной повисла тишина. Лишь со стороны поселка Деде-Ламин немцы вели неторопливый обстрел высоты, занятой русскими штрафниками. Мины звенели, набирая высоту, затем срывались и стремительно падали вниз, взрываясь с большим разбросом, не оставляя воронок. Люди бросались вначале на дно окопов, затем привыкали и продолжали заниматься своими делами. К вершине холма подтягивалась оставшаяся рота, неторопливо шагали оба проверяющих из штаба дивизии.

Глава 2

ШТРАФНЫЕ СОЛДАТЫ

Бориса Ходырева забрали в армию в апреле сорок второго года. До этого имел отсрочку как нужный специалист. Работал линейным мастером по обслуживанию линии электропередач, немалая должность по сельским меркам. В конце зимы, когда выдохлось успешное наступление наших войск под Москвой, а немцы ударили в ответ под Харьковом, подобрали и специалистов.

Ходырев окончил семь классов, курсы электриков, его собирались направить в военное училище. Пока готовили документы, положение под Сталинградом стало угрожающим. В учебном полку каждый день формировали маршевые роты, присваивали бойцам посмысленнее сержантские звания и отправляли на фронт.

Можно сказать, Борису повезло. Его забрали представители инженерного батальона.

— У нас нормально, — говорили ему. — Электрики нужны. Лучше, чем в окопах сидеть.

— А я вам подойду? — простодушно сомневался Борис.

— Аккумуляторщиком будешь. Знаешь, что такое?

— Конечно знаю.

— Вот и хорошо.

Пароход шёл по обмелевшей за лето Волге к Сталинграду. По реке плыли мазутные пятна, деревянные обломки, иногда слышался отдаленный гул, от которого на душе становилось тоскливо. Яркий летний день вдруг сделался бесцветным. Солнце скрылось за пеленой дыма и облаков, запахло гарью, серая вода мелко рябила, словно её подталкивали изнутри.

Новобранцы, чужая неладное, упорно лезли из трюмных помещений вверх. Их пытались спихнуть обратно, однако толпа смела командиров и растеклась по палубе. Трюмы с круглыми иллюминаторами на уровне воды казались людям мрачной ловушкой. Как позже выяснилось, так оно и случилось.

+1 строка

Зенитчики спаренной пулеметной установки пытались скрыть страх, но это удавалось плохо. Стволы «максимов» напряженно шарили рыльцами из стороны в сторону, выискивая цель. Иногда принимали за вражеские самолеты крупных чаек, во множестве летавших над рекой. Напряжение росло. Показалась одна из первых сталинградских переправ.

Под прикрытием пойменного леса копошилась огромная толпа красноармейцев, ожидавших парома. Некоторые заходили по щиколотку в воду, пили из котелков, глядели на проходивший пароход.

— Куда их, дядя? — спросили у командира зенитной установки.

— Здесь дорога в один конец. В Сталинград.

— А почему в один?

— Сам потом поймешь.

У пригородного посёлка Светлый Яр внезапно налетели самолёты. «Юнкерс» с торчавшими шасси спикировал на пароход, не обращая внимания на пулеметный огонь. Бомба вихлялась, как плохо раскрученный волчок, но падала стремительно.

По ушам ударила тугая волна, взрыв поднял фонтан воды и мокро-го песка. Не повезло самоходной барже, идущей впереди. Тяжелой кормой она опускалась в воду, высоко задирая нос. Баржа мгновенно потеряла ход, её несло мимо парохода, виднелось днище, облепленное ракушками. Из небольших иллюминаторов с выбитыми стеклами высывались руки и головы новобранцев. Просили помощи десятки, а может, сотни голосов. Баржа прошла рядом, Ходырев никогда в жизни не видел такой страшной картины.

С бортов прыгали люди, течение несло их вместе с баржей. В трюме не смолкали вопли, обреченные люди отталкивали друг друга от иллюминаторов. Кто-то сумел протиснуть плечи и руки, но наглухо застрял, тщетно извиваясь. Это был мальчишка лет семнадцати. На секунду он встретился взглядом с Борисом, затем снова стал вырываться из ловушки.

— Почему их не выпускают? — взволнованно спросил Ходырев у стоявшего рядом матроса.

— Трюмные люки перекосило, обычное дело. Ты глянь, что делается.

К тому времени немцы хорошо заминировали реку. Суда с низовьев шли к Сталинграду небольшими караванами. Кроме парохода и баржи, под прикрытием тральщиков двигались несколько деревянных сейнеров, приспособленных для перевозки людей и грузов.

Один из сейнеров не сумел отвернуть от гибнувшей баржи. Доштатый смоленый корпус треснул, как скорлупа. Мачты, подъемные стрелы и веревочные снасти сейнера сплелись с надстройками баржи, которая начала стремительно тонуть. В огромной воронке исчезли оба судна, затем вода вытолкнула обломки сейнера. Отдельно плыли куски обшивки, де-

ревянная каюта, мачта с распутившимся парусом, смолёные чёрные доски. И ни одного человека.

«Юнкерсы» взялись за пароход. Маленький тральщик пытался им помешать огнем двух своих пушек. Один из самолетов сбросил бомбы на тральщик, второй — на пароход. На этот раз Борис не услышал ни звука летящей авиабомбы, ни воя самолетов. Грохнуло совсем рядом, пароход словно наткнулся на невидимую стену. Бойцы катились по палубе, ломали ограждение и собственные кости, летели гроздьями за борт. Упал вместе с другими и Ходырев.

Наглотался воды, но всё же вынырнул. Люди вокруг тонули один за другим. Причиной этого стало неумение многих бойцов плавать, контузии, ушибы, а также намочшая одежда. Красноармеец рядом с Борисом кувырчался в воде, пытаясь снять ботинки. Мелькнула поднятая рука, и человек исчез. Положение усугублялось паникой. Люди кричали, отчаянно колотили руками и ногами, быстро теряли силы. Некоторые барахтались в мазуте, он облеплял волосы и лицо маслянистым ядовитым слоем, забивая дыхательные пути и горло.

Борис сумел сбросить с ноги один ботинок, на втором затянулся шнурок. Плыть мешали размотавшиеся обмотки, он их сорвал, но оставшийся ботинок, как гирия, тянул на дно. Наверное, там бы и закончился путь Бориса Ходырева, но под ногами он ощутил вязкий песок.

Выбравшись на песчаную косу, стал свидетелем гибели парохода. Очередная бомба взорвалась у кормы, обрушилась труба, кувыркнулись шлюпки. Пароход накренился, правое гребное колесо звучно шлепало о воду, левое остановилось. Возле огромной пробойны вспенился водоворот, на верхней палубе продолжала стучать длинными очередями зенитная установка.

Наверное, пулеметчики не успели спастись, пароход легко повернулся вокруг оси, встал днищем вверх и начал стремительно погружаться. Борис добрался до берега, сутки шатался, пытаясь найти хоть какое-то начальство. Никто не хотел с ним связываться, посылали в райвоенкомат, пытался прибиться к маршевой роте, но командир огромной колонны был озабочен лишь одним — довести людей до переднего края. Он отмахнулся от Бориса, а подвыпивший старшина сказал с сочувствием:

— Чего ты торопишься? Куда мы идём, оттуда не возвращаются. Не торопись, пока не припекло.

Уставшие от многодневного марша бойцы были облеплены пылью и не реагировали на мрачное предсказание старшины.

В голове Бориса что-то щелкнуло, он зашагал в обратную сторону. Обувь найти не сумел, шагал босиком, сбивая ноги, но упрямо продолжал путь к дому. Через два дня его задержал патруль. лейтенант, слушая рассказ, лишь качал головой. Парень отмахал сто с лишним верст и упрямо рвался идти дальше.

— Отпустите меня, — попросил Борис.
— Зачем? — удивился лейтенант.
— Домой пойду.
— Свихнулся, что ли?
— От страха он одурел, — сказал патрульный солдат с комсомольским значком на груди. — Глядеть на это чучело противно.

Задержание происходило посреди села. Собрались люди, ожидали, что будет дальше. Борис Ходырев, несостоявшийся боец инженерного батальона, очень напоминал плакатного дезертира. Обросший щетиной, в расхристанной гимнастёрке без пояса, он переминался, глядя на сбитые в кровь ноги. Только сейчас почувствовал, как они горят. Когда вели в кутузку, пришлось шагать через участок высохшей травы. Израненные ступни обжигало сильной болью, но когда он замешкался, лейтенант сильно пихнул в спину.

— Двигай живее!
— Не могу, ступни сбил.
— От фронта резво убегал.

А солдат с комсомольским значком не дал закурить. Предупредил:

— Не вздумай бежать. Стрельну.
— Куда я побегу, вон ноги в крови.
— Пожалеть тебя?

И больно толкнул прикладом. В подвальной камере районной комендатуры Бориса приняли более тепло. Посоветовали распухшие ступни лечить мочой. Дали махорки и объяснили, как надо держать себя на допросе.

— Кайся, говори, что ничего не соображал.
— Так и было, — отвечал Борис. — У меня в башке перемкнуло, вот и дунул непонятно куда.
— А сейчас готов сражаться до последней капли крови, — подсказали ему.

Ходырев соображал, издеваются над ним или продолжается инструктаж. Помявшись, заметил:

— Не обязательно до последней...
— Гля, поумнел!

Камера невесело засмеялась. Большинство из обитателей были дезертирами, имелась и другая публика, например, огромного роста боец с низким лбом и массивной, выпирающей вперед челюстью. Кроме дезертирства, он обвинялся в изнасиловании и убийстве. Основную часть времени он спал, зарывшись в солому. Когда приносили холодные сизые комки ячневой каши, жадно глотал свою порцию. Хлеба не давали, кашу запивали водой.

Насильника звали Геша, над его тупостью за спиной издевались, но самого побаивались. Когда ему ночью стало холодно, он вытряхнул из

шинели соседа. Обиженный человек пытался отстоять своё имущество, но получил удар в лицо. Никто из обитателей камеры не вмешивался. Геша обладал огромной физической силой. Однажды ему вздумалось глянуть сквозь решетку. Наморщив покатый лоб, с минуту раздумывал, затем разогнул толстые прутья. Когда Гешу выводили на допрос, конвоиры нервничали и с порога предупреждали:

— Веди себя смирно. Церемониться не будем.

Геша зевал со сна, отряхивал солому и, пригнувшись, нырял в низкий дверной проём. Если дурковатого Гешу опасались, то мужика, обвиняемого в мародерстве, безбожно шпыняли. Тот вылавливал из Волги тела погибших солдат, снимал одежду, обувь и неплохо на этом зарабатывал. Кроме того, он первым прибежал к местам бомбежки и урывал всё что мог.

Мародёра сильно били на допросах, что-то выпытывали. Видать по всему, он жил неплохо, жена передавала ему сало, которое он жрал тайком, ни с кем не делись. Выбитые зубы мешали жевать. Сочувствия мародёр не вызывал. Ему злорадно советовали:

— Признайся, где золотишко прячешь. Легче подыхать будет.
— Какое золотишко? — пугался тот.

В другом углу камеры возились уголовники. Они чувствовали себя как рыба в воде, играли по ночам в карты, смеялись, что-то ели. Однажды заинтересовались добротной гимнастёркой Бориса. Предложили старую и рваную, обещая в довесок хлеб. Ходырев отказался, тогда пригласили поиграть в карты.

— Отстаньте, — решительно заявил он.
— Тебе гимнастёрка ни к чему. Дезертиров нынче стреляют.
Соседи утешили:

— Не всех стреляют. Некоторых снова на фронт посылают. Может, и тебе повезёт.

Ходырев справился с паническим настроением и действительно раскаивался. Как и все двадцатилетние, он не слишком боялся смерти. Хотя и небольшого роста, но цепкий и жилистый, он чувствовал свою силу. В отличие от деревенских сверстников, Борис был образованнее, не просто работал из-под палки в колхозе, а имел довольно редкую специальность электрика. Мать, так и не научившаяся грамоте, иногда пускала слезу от умиления:

— Сто десять рублей жалованье, мы всей семьёй столько не заработаем. Старайся, Боренька, если в люди вышел.

На допросе у военного следователя Ходырев заявил, что готов идти на фронт в любом качестве. Вину свою осознал и желает искупить. Следователь, много чего повидавший, чинил карандаш, слушал парня, затем спросил:

— Чернявый ты, не татарин случайно? И фамилия подходящая — Ходырев, Ходыев...

— Не знаю. Кажись, русский.
— Родом откуда?
— Село Старица Астраханской области.
— Сяло, — передразнил его следователь, собирая в ладонь стружки от починки карандаша. — Нет тебе веры, Борис Иванович. Кишка тонка оказалась, из-под Сталинграда драпал, а на фронте к фрицам побежишь.

— Не побегу. Вы напишите в своих бумагах, что я вину искупить желаю.

— Напишу. Бумага всё стерпит, а вот суд...

Кроме следователя, водили на допросы к особисту. Тот оказался парнем весёлым, немногим старше Ходырева и слишком простецким. Наверное, так казалось. Был убежден, что среди задержанных обязательно имеется немецкий шпион, и убеждал Бориса помочь в разоблачении.

— Какие тут шпионы? — удивлялся Ходырев. — Мародёр, что ли, на немцев работает? Ему на всех наплевать. Или Геша-придурок. Он же ненормальный.

— А ты присмотришь.

В качестве аванса Борис получил пачку махорки. Когда стал угощать соседей, его мгновенно раскусили.

— Кум стучать приглашал?

— Какой кум?

— Не строй дурака, — сказал мелкий вор Антоха, добравшийся в южные края из-под Калуги. — За какие заслуги махорку дали?

— Особисту шпионы кругом мерещатся. Сообщи, мол, если чего подозрительное заметишь.

— Значит, ты стукач, — наседали воренки. — Махорку-то принял.

— Пошёл на хрен.

— А это ты видел.

К горлу тянулся заточенный, как жало, черенок алюминиевой ложки. Борис скрутил руку, выдернул самодельный нож, воренка отшвырнул в угол. Спасая авторитет, тот кинулся с кулаками, но получил точный удар в лицо и свалился на цементный пол. К Антохе присоединился ещё один урка. Взъерошенный Борис готовился к драке, но её пресёк новый обитатель камеры, долговязый капитан Елхов со следами споротых шпал на петлицах.

— Хватит. Ну-ка дай сюда ножик.

Позже Борис жаловался ему:

— Следователь ни на грамм не верит, а я ведь раскаиваюсь.

— Иногда одного раскаяния мало, — ответил долговязый, думая о своём.

— А что же мне делать?

— Спи, утро вечера мудренее.

Шли дни. Привозили одних людей, других уводили. Кормежка стала совсем никудышной. О комках безвкусной каши Борис мог только мечтать. В день доставался черпак пустой баланды с запахом рыбы, в которой плавали чёрные капустные листья. Вместо хлеба иногда давали варёную свёклу. Жрать хотелось постоянно. Ходырев пытался обмануть голод, выпивая как можно больше воды, отчего под глазами появились чёрные круги. Елхов внимательно оглядел его и посоветовал:

— Прекрати воду без меры хлебать, иначе почки посадишь.

Но сильнее всего страдали от духоты. Народу в камере набилось столько, что не все имели возможность лечь. Люди задыхались от спёртого воздуха, возникали короткие потасовки из-за места, неосторожно сказанного слова или просто от раздражения. Какой-то служивый успокаивал соседей:

— Что вы сцепились? Тяжко здесь, душно, ну и что? Скоро проветритесь, там вас быстро помирят.

Непонятно, что он имел в виду — фронт или смертную казнь, но люди примолкли. Возможно, задумались о будущем. Одному из сидельцев стало плохо — он стал просить воды, но рот свело судорогой, вода стекала за воротник, вскоре он умер. Тело долго лежало под ногами, Борис косился на мертвеца, тот отмучился, а ему предстояло стоять несколько часов, пока не наступит очередь лечь и заснуть. В мозгу проносились обрывки видений, в какой-то момент ему показалось, что наступила зима и за окном снег. Он открыл глаза, но увидел тусклую лампочку в проволочном колпаке, которая плавала в белёсой полутьме.

Кто-то не выдерживал, колотил в дверь ботинком и соглашался идти куда угодно, только бы не гнить здесь заживо. Насильник Геша просыпался среди ночи, вглядывался в полумрак и громко спрашивал:

— Где я?

Ему отвечали матом.

Борис спросил капитана Елхова, долго ли будет длиться следствие.

— Сейчас быстро решают, — ответил тот. — Раз-два и готово. Запросто могут шлёпнуть.

— И вас тоже?

— Нет. Меня расстреливать смысла нет, я кадровый командир. Был комбатом, поставят ротным. А вот тебя в два счёта стрельнуть могут.

— Глупо, — пытался усмехнуться Борис, — я больше пользы на фронте принесу.

— Какая с тебя польза? Опыта не имеешь, пока научишься всему, время нужно, а его нет. А как пример в назидание трусам можно использовать.

Перспектива быть использованным в качестве примера, то бишь расстрелянным, разволновала настолько, что Борис не мог спать. Ворочался, вслушивался в ночное бормотание, чесалось, зудело тело.

— От нервов, — говорил капитан Елхов.

А в голову лезли мысли о расстреле, сжималось дыхание.

— Как теперь расстреливают? — спросил он капитана.

Елхов не ответил, зато доходчиво объяснил другой сосед

— Очень даже просто. Поставят на край ямы и шарахнут в затылок. Если из нагана, то полбеда, а из винтовки — башку разнесёт, мозги в разные стороны. Будешь лежать, пока яму не заполнят такими же дураками. Когда вспухнет как следует, тогда землёй засыпят.

В интересный разговор вмешались уголовники. Плели несусветное, мол, приговоренным мажут лоб зеленкой, перед смертью спрашивают последнее желание и дают закурить. Елхов морщился — блатная рисовка его раздражала.

— Зелёнку на тебя тратить. Пальнут в грудь или спину и как зовут не спросят.

— Меня в грудь нельзя. И в спину тоже, — хвастливо заявил старший из воров. — Глянь сюда.

Он снимал рубашку и показывал синий от татуировок упитанный торс. На левой стороне груди был выколот портрет Сталина, а на левой лопатке изображение Ленина. Верховный Главнокомандующий смотрел строго и осуждающе, а Ленин со скошенной бородкой хитро усмехался.

— В вождей целиться нельзя. Закон! — провозглашал вор и просил папиросу. — Давай курнем, товарищ капитан.

Елхов снова морщился, но доставал из кармана пачку. Ему передавали с воли хорошие папиросы, комбат был заядлым курильщиком. Мог ничего не есть, но папиросы выкуривал до мундштука. Не очень весёлые разговоры шли о Сталинграде. Самострел с загнивающей рукой сообщил, что пополнение идёт за Волгу день и ночь, а назад никто не возвращается.

— Прорва, — качая руку, рассуждал он. — Людей гробят тысячами, и просвета не видно. Я считаю, надо...

— Как же тебя врачи вычислили? — перебили его.

— Надо было через буханку хлеба стрелять, а хлеб мы с дружкой съели. Пальнули через полотенце, вот и остались следы пороха. И ведь не печат, сволочи.

— Чего тебя лечить? На том свете выздоровеешь.

Нахождение в подвале закончилось внезапно. Ничего не объясняя, четверых человек рано утром вывезли за посёлок. Опомниться не дали. Едва не пинками стащили с кузова полуторки и поставили на краю ямы. Вокруг стоял в строю батальон, а может, полк.

Борис с ужасом заглянул в могилу, рядом переминался самострел. Капитан Елхов и насильник Геша возвышались над остальными и казались спокойными. Геша воспринимал происходящее с запозданием,

морщил лоб, соображая, почему собралось столько людей. А старый воjak Елхов уже подготовился к худшему для себя варианту.

Приговор читал военюрист в звании полковника. Вернее, приговор было четыре, из экономии объявляли заключительную часть, но чтение длилось долго. Самострел впал в ступор, тряс здоровой рукой, шарил глазами по лицам присутствующих. До Геша стал доходить смысл, он нервничал и вертел головой. Борис от напряжения неожиданно зевнул, сердце бешено колотилось, на лбу выступил пот. Он сделал полшага вперёд, а Елхов тихо произнес:

— Не надо, Борька... бесполезно.

Ходырев понял, что он имеет в виду. Не надо ничего просить, суесться, их судьба уже решена. Капитан продолжал удивлять своим хладнокровием.

— Эх, зря папиросы берег, полпачки пропадёт, — сказал он, затем огляделся вокруг и сообщил товарищам по несчастью: — В хорошем месте лежать будем. Хоть в этом повезло.

Могилу вырыли в ста шагах от речного обрыва, виднелась песчаная отмель левого берега, зелёный пойменный лес. Голубая Волга медленно катилась к морю, в заливе стояли рыбацкие баркасы. Место и правда было красивым.

Полковник закончил чтение приговора, важно оглядел строй красноармейцев. Кучка командиров тихо переговаривалась между собой, кто-то невпопад засмеялся. У самострела сдали нервы, он стянул здоровой рукой пилотку, хотел что-то сказать, наверное, просить о пощаде. За его спиной мгновенно возник крепкий лейтенант, положил ладонь на плечо и отчётливо прошипел: «Молчать!»

Шесть красноармейцев из комендантского взвода стояли ровной цепочкой с винтовками за плечами. Почему шесть? Получается, полтора человека на одного приговоренного. Может, стрельнут четверо, а двое будут добивать? Борис подтянул босую ногу (обувь так и не выдали) и с ненавистью глянул на полковника-юриста. Почему мучаешь и не отдаешь последнюю команду? А тот, словно испытывая терпение, перебирал листки, шевелил толстыми пальцами, затем не спеша продолжил чтение.

Смысл до Бориса не доходил, он начал соображать, лишь когда капитан крепко сжал ему локоть и шепнул: «Будем жить!». Елхова и Ходырева мгновенно отвели в сторону, полковник свернул бумаги в трубку, конвоиры сняли с плеч винтовки. Насильник Геша не хотел оставаться у ямы и пошел вслед за помилованными. На ходу оттолкнул лейтенанта, который его не пускал, но был остановлен жестким окриком одного из командиров:

— Марш на место!

Геша остановился, затем снова вернулся к яме, где переминался бледный, как бумага, самострел. Четыре выстрела ударили залпом. Приговоренные в последнюю секунду сделали шаг вперёд, подальше от страшной ямы, и свалились на её край. Лейтенант с помощью старшины столкнул расстрелянных вниз, хлопнули два пистолетных выстрела.

— А нас куда? — тревожно спросил Борис.

— В штрафную роту.

Штрафные роты и батальоны создавались на основе приказа Сталина № 0227 от 28 июля 1942 года, известного под названием «Ни шагу назад». При формировании этих подразделений возникало много организационных вопросов, их решали, как могли и насколько позволяли возможности. Ясно было одно — штрафники будут использоваться на самых опасных участках. И Юго-Восточный фронт, тянувшийся от Сталинграда через Калмыкию до Астрахани, очень подходил для такой цели.

Этот фронт был весьма своеобразным, здесь отсутствовала сплошная линия боевого соприкосновения советских и германских войск. Если посмотреть на штабную карту того времени, можно увидеть вместо сплошных полос лишь синие и красные черточки разной длины. Немцы слишком распылили свои силы, в результате чего не имели возможности вести широкое наступление. Бросали сюда хоть и сильные, но отдельные механизированные части, напор которых отбивали немногочисленные советские полки. Немцы несли потери и, не сумев достичь Волги, топтались в 150 километрах от Астрахани.

Можно понять ярость Сталина, когда большая часть населения Калмыкии перекинулась на сторону Гитлера и степняки стали наносить болезненные удары по тылам 51-й армии. И всё же продвинуться дальше немцы пока не могли, хоть и взяли Элисту, Яшкуль, Кегульту, но это островки в бескрайней полупустынной степи.

И сама степь отнюдь не являлась идеальным местом для наступления. Перевалив через горный Ергенинский хребет, бронетехника разогнала ход, но едва успевала тормозить и обходить препятствия. Преградой являлась цепь солёных Сарпинских озёр, остатки древнего моря. Даже если вода пересыхала, то солончаки становились коварной ловушкой. Приходилось их объезжать, делая большой крюк, а на новом месте немцев ждали красноармейские части.

Огромное пространство растворяло штурмовые части вермахта, они терялись в выжженной солнцем полупустыне. Здесь шли малоизвестные на фоне Сталинграда ожесточенные схватки. О них напоминают редкие неухоженные могилы погибших красноармейцев, разбросанные среди бескрайней степи в суверенной республике Калмыкия. Тем не менее именно в этих местах находился южный край Сталинградской бит-

вы. О боях напоминает также монумент с реактивной установкой БМ-12 («катюша»), установленный возле села Цаца на границе Волгоградской области.

Вторая отдельная штрафная рота располагалась на окраине большого пыльного села Енотаевка. Из-за нехватки помещений личный состав поселили в коровнике, а штаб разместился в бывшей конторе. Рота представляла собой довольно крупное подразделение. Под командой капитана Митрохина находилось полтора десятка офицеров в званиях от младшего лейтенанта и выше, такое же количество сержантов.

Взводные показали Борису на одно лицо, крепкие, как бычки, молодые лейтенанты, немного повоевавшие, настроенные решительно. Выделялся замполит роты старший политрук Воронков, улыбающийся, охотно вступающий в беседу с вновь прибывшими. Ходырев по-прежнему держался рядом с капитаном Елховым, которого называл то по имени-отчеству, то по званию.

— Какой я тебе капитан? — не выдержал Елхов. — Я такой же рядовой, как и ты.

К ним присоединился услужливый боец Иван Межуев, угодивший в штрафники за кражу овса. Преступление могло показаться кому-то смешным, додумались дураки, спёрли и продали пять мешков лошадиного корма. Но командира полка, который с огромным трудом добывал в безводной степи корм для лошадей, воровство очень возмутило.

В целях поднятия дисциплины устроили показательный суд, который приговорил старшину хоззвода Глухова и рядового Межуева к пяти годам лишения свободы, которое заменили на два месяца штрафной роты. Но если Прокофий Глухов на новом месте сумел занять крепкий пост старшины, то Иван Межуев стал обычным бойцом переменного состава, как официально называли штрафников.

Об этих подразделениях рассказывали страшные вещи, в которые не хотелось верить. Оказывается, штрафных солдат будут использовать при разминировании минных полей пешим ходом, обвешивать гранатами и сбрасывать в тыл врага, как живые бомбы. Предстояло прорывать вражескую оборону, ходить в лобовые атаки и поджигать бутылками с бензином вражеские танки. Даже если половина из этого правда, то перспектива рисовалась совершенно безнадёжная.

Межуев, светловолосый, с мягким подбородком, в первый день долго присматривал место, затем робко подошел к Елхову:

— Разрешите, я по соседству лягу.

— Ложись, место не куплено.

Разжалованный капитан пожал плечами, а Ходырев приветливо подмигнул.

— Бросай сюда тюфяк. Ты не храпишь?

— Немножко.

— Ну и я немного.

Разговорились. Елхов очень удивился, зачем бойцу хозвзвода понадобился овёс.

— С голодухи, что ли?

— С дури, — каялся Межуев. — Спирт достали, а на закуску захотелось баранины. Чабан говорит, везите овёс, я валуха для вас зарезу.

— Вот ты сам себя и зарезал. Знаешь, сколько в пехотной роте после атаки людей остается?

— Не знаю, — уныло признался бывший ездовой.

— В лучшем случае — половина. А случается, целиком рота исчезает.

— Что, всех убивают?

— Не обязательно. Получишь пулю в колено или яйца. Радуйся, что повезло.

— На хрен бы такое везенье, — плевался Межуев, а затем спросил: — Ещё говорят, в пешем строю на мины посылать будут.

— Не будут, — категорично заявил Елхов.

— Ну вот я тоже подумал, что брехня. Что же мы не люди, хоть и проштрафились.

— На мины посылать запретили, — продолжал бывший комбат. — Ботинки взрывами рвёт, расход обуви большой.

Видя, что ездовой юмора совершенно не понимает, разъяснил ему коротко и ясно:

— С аэроплана тебя, дурака, сбрасывать не станут, чести много. А в атаку раз-другой сходишь, если уцелеешь, считай, простили.

Третьим взводом командовал младший лейтенант Дядченко, самоуверенный и во всём разбирающийся. Уверенности ему прибавляла большая физическая сила и участие в небольшом бое, из которого он сумел выйти невредимым. За подготовку бойцов он взялся старательно, с утра бегали, занимались зарядкой, затем Дядченко повел взвод на тактические занятия. Борис Ходырев остался в роте, так как не получил обувь.

На первом занятии между бывшим комбатом и молодым взводным произошла стычка. Степану Матвеевичу Елхову не понравилась бессмысленная беготня, изображавшая занятия по теме «Взвод в наступлении». Он высказал ряд претензий, дельных, но сказанных с излишним апломбом.

— Прежде чем наступать, надо обеспечить материальную часть. Лопаток для окапывания нет ни одной, три человека остались в роте из-за плохой обуви или из-за её отсутствия. Не сегодня-завтра начнутся дожди, а шинели у половины людей отсутствуют.

Взвод, пока ещё неполный, но уже насчитывающий человек пятьдесят, слушал внимательно. Некоторые имели в прошлом сержантские

и лейтенантские звания, обладали опытом, и беготня с палками вместо винтовок напоминала детскую игру. Замечания Елхова одобрили и поддержали, чем признали его авторитет.

— Капитан верно говорит.

— У меня подошва отвалилась.

— А у меня штаны на жопе порватые и кальсонов нет.

— Махорку не выдали.

Масла в огонь подлил уголовник Надым, мужик лет сорока, с мощной грудью и татуированными руками. Одет он был неплохо, забирая у бойцов послабее приглянувшиеся вещи. Пользуясь случаем, он решил показать себя и превратил разговор в шумную склоку. Уголовников насчитывалось по пять-семь человек в каждом взводе. Держались они сплоченно, агрессивно и придавливали слабых.

Дядченко не на шутку разозлился, и прежде всего на Елхова. Построив взвод, пригрозил, что следующая попытка сорвать занятия закончится для кого-то плохо. При этом он не сводил взгляда с бывшего комбата. В строю стояли четверо сержантов. В штрафную роту они пошли неохотно, так как выбора им не оставили. Сейчас сержанты не знали, что делать, не являясь штрафниками, они находились с ними в одной казарме, и в атаку предстояло бежать в одной цепи. Ссориться с подчиненными сержанты не хотели, поэтому заняли нейтральную позицию, не поддерживая самолюбивого лейтенанта.

Елхов уже приобрёл определенный авторитет и мог стать хорошим помощником, Дядченко его оттолкнул. Таким образом, взвод разделился на несколько групп. Самая большая инертная группа рядовых штрафников мало что решала, сержанты осторожничали, уголовники оживились. Особняком стояла группа во главе с бывшим капитаном Елховым, его поддерживали Ходырев, Межуев и ещё несколько бойцов.

Процесс разобщения происходил и в других взводах, командиры прохлопали этот момент, не имея достаточного опыта. А события в роте катились тем временем, как снежный ком.

Степан Матвеевич Елхов временно лишился звания, должности, ордена Красной Звезды и получил три месяца штрафной роты за обычное русское головоуятие. Он неплохо начинал службу, прошел через тяжелые бои осени сорок первого года, а за решительность и умение командовать ротой в зимнем наступлении под Москвой получил орден и должность командира батальона. В августе сорок второго Елхова направили в тыл за пополнением. Поездка обернулась печальными последствиями. Пока комплектовали маршевую роту, командиры загуляли. Деньги и вещи на обмен имелись, нашли водки, познакомились с женщинами, и праздник начался.

+ 1 строка

Дезертирство в тот период процветало крепко. Маршевая рота попросту разбежалась. Опомнившись, Елхов стал собирать людей, и это ему почти удалось. Но обстановка на фронте складывалась тяжёлая, потерявшуюся роту стали разыскивать, а когда отыскивали, то оказалось, что многих новобранцев не хватает. За такие вещи нередко расстреливали, и капитан в полной мере осознал это, пока стоял у вырытой могилы.

Угодив в штрафники, он понял, на хорошее надеяться нельзя. В память врезались безнадежные бои под Селижарами. Тогда, в конце зимы, командование не могло примириться, что удачно начатое московское наступление выдыхается. В то время его родной полк раз за разом гоняли в атаки и контратаки, врага пытались смять валом живых людей. Такого Елхов не мог и представить. Он потерял процентов восемьдесят личного состава, всех трёх ротных командиров, не надеялся выжить и сам. Но разбив лоб о стойкую вражескую оборону, генералы угомонились.

Если не щадили обычных бойцов, то штрафников не пожалуют по-давно. По всем признакам роту готовили для таранного контрудара на каком-нибудь выступе, то есть тупой гибельной атаки и ничего большего. Бывший комбат не желал пропадать просто так, не применив свой немалый боевой опыт. Однако, не обладая дипломатичностью, Елхов с первых дней сумел испортить отношения с Митрохиным, а затем с Дядченко.

В роте брали верх блатари. К Надуму присоединился молодой, набирающий силу уголовник Марченко, по кличке Марча, прибывший из астраханского следственного изолятора. Осужденный на пятнадцать лет за грабежи и убийство, он сумел убедить комиссию по освобождению, что вину осознал и желает сражаться за Родину. В комиссии заседали неглупые люди, знавшие цену этой публике. В другой ситуации Марчу бы не освободили, но важен был порыв — в трудную минуту на защиту страны встает каждый гражданин.

Надым и Марча сплотили вокруг себя блатных и подчинили часть штрафников. Началось безудержное воровство. Одежду и обувь обменивали на самогон, а лучшие продукты из ротного котла доставались немногим. Процесс разложения набирал силу. Это почувствовал Воронков, но изменить ничего не пытался, надеясь, что в первом же бою всё решится само собой, а дальше видно будет. Командир роты Митрохин был слишком занят хозяйственными делами, мотался в штаб 51-й армии, которой напрямую подчинялась рота, привозил новых людей.

Нарыв зрел, готовый прорваться, а рота тем временем насчитывала уже триста человек. Толпа, толком не занятых мужиков, пребывала в подвешенном состоянии. На склад привезли винтовки, но выдавать их опасались. Ходить на занятия с палками вместо оружия многие штрафники считали не только смешным, но и унижительным. Замполит через свои связи в политотделе настаивал на скорейшем введении роты в бой,

хотя больше других этого боялся. Тем временем пришло очередное пополнение, в числе которого был молодой ершистый лейтенант Сергей Маневич, угодивший под трибунал за отступление без приказа.

Виноватым себя лейтенант не считал, отметал обвинения в трусости и собирался доказать это в первом же бою. Но столкнуться ему пришлось не с фрицами, а с уголовниками. Маневич появился в роте в хороших яловых сапогах, с командирским кожаным ремнем, даже брюки у него остались синие комсоставовские. Худощавый, с тонкими чертами лица и вьющимися волосами, он не производил впечатления человека, умеющего постоять за себя. По приказу Марчи ворёнок Антоха предложил лейтенанту поменять кожаный ремень на солдатский брезентовый.

— Это ещё зачем? — удивился Сергей.

— Он тебе ни к чему. Давай-давай, пока и сапоги не отобрали.

Лейтенант, закончивший в сорок первом училище и быстро выросший до командира роты, побелел от злости. Заикаясь, прошипел:

— А ну, гадёныш, убирайся, пока цел.

Ворёнок воспринял сорвавшийся голос новичка, как признак страха, и, подступив ближе, дёрнул за пряжку. Тут же получил удар кулаком в лицо и отлетел в сторону. Всё это происходило во дворе, примыкающим к коровнику, около которого шатались бойцы, кто-то спал, компания воров играла в карты. Над широким двором, где пахло сухим навозом, нависала гнетущая тишина. Марча, с обманчиво сонным лицом, огляделся по сторонам и аккуратно сложил карты.

— После доиграем.

Он понял, представился случай окончательно сломить ситуацию в свою пользу. Марчу не устраивало положение, при котором ключевые должности принадлежали чужим. Слишком уверенно вёл себя старшина Глухов, командиры отделений по-прежнему держались вместе, глядя на междоусобную возню свысока. И сейчас сержанты спокойно сидели на бревне с винтовками, зажав их между колен, наблюдая за происходящим. Они не любили уголовников, но ротная верхушка бездействовала, не вникая в солдатские отношения, поэтому сержанты благо-разумно выжидали.

Марча встал, за ним поднялись ещё пять-шесть человек. Надым, прищурив и без того узкие глаза, отвернулся. Он опасался, что заваруха может закончиться плохо, и не торопился поддерживать выступление Марчи. Через двор уверенно шагал Елхов, от него не отставал Борис Ходырев, Иван Межуев, хоть и трусил, но шел следом. У воров имелись заточки, сделанные из арматурных прутьев. Страшное тюремное оружие с отполированным жалом не оставляло лейтенанту шансов на выживание, он это понимал и пытался к забору.

Антоха, воодушевленный поддержкой, вытер кровь из разбитого носа, отряхнул штаны от навоза и, пригнувшись, наступал на лейтенан-

та. Маневич лихорадочно размышлял, что делать дальше. Самым логичным было прыгать через забор и убегать куда глаза глядят. Он бы это сделал, но один из воров, решив ускорить ситуацию, метнул заостренный прут. Лейтенант успел отшатнуться и побежал прочь, за ним погнались сразу несколько человек.

Маневич бестолково метнулся к забору и оказался лицом к лицу с сержантами, сидевшими на бревне. Лейтенант не раз бывал в опасных переделках и обладал мгновенной реакцией. Выхватив винтовку из рук ближнего сержанта, он передернул затвор. Уголовников винтовка не испугала, они знали, что оружие разряжено. Но часто всё решает случай. Сержант вставил утром в магазинную коробку единственный патрон, имевшийся у него. Зарядил просто так, по давней привычке, и эта случайность повернула ход событий.

— Стой, там патрон! — успел крикнуть сержант.

Маневич уже давил на спуск. Он тоже действовал по привычке, на него бежал враг, и его требовалось убить. Пуля ударила бежавшего уголовника в грудь, пробила насквозь и задела по касательной ещё одного вора. Марча приостановился. На него налетел Елхов и сбил с ног. Борис толкнул Антоху и несколько раз пнул. Вскочили сержанты, прибежали взводные и замполит Воронков.

— Что же вы наделали, сволочи, — ахнул он, предчувствуя суровые разборки.

Среди сухих коровьих блинов возился, дергая ногами, смертельно раненный штрафник, из которого быстро вытекала кровь.

— Надо помочь, — сказал один из сержантов.

— Ничем не поможешь, — отозвался другой. — Гля, как точно угодил.

Надым с подручными не трогался с места. Закурил офицерскую папиросу и пустил пачку по кругу. Дурацкая агрессивность Марчи его раздражала.

Событие встряхнуло роту и местный гарнизон. Два дня разбирались особисты, приехал хмурый следователь с клеёнчатым портфелем. Антоха пытался молчать, но особист Стрижак посоветовал ему:

— Не испытывай терпение, парень. Видишь, какой следователь сердитый.

Обладатель портфеля лишь усмехнулся, прекрасно понимая, что произошло. К Маневичу отнесся терпимо, о чем-то пошептался со Стрижаком и, взяв несколько объяснений, уехал в штаб. Особист отчитал Митрохина:

— Неужели не видели, к чему всё катится?

— Не видел, — честно признался служака Митрохин.

— Надо глаза пошире разувать. А вообще, засиделись вы в тылу, о чем и доложу начальству. Идите.

С Марчей и раненым уголовником Стрижак разговаривал почти ласково. Уголовнику от тихого голоса седоватого и решительного особиста становилось не по себе. Ожидал подвоха, но чем всё кончится и предвидеть не мог. Убийцу-Маневича отпустили, сержанту-раззяве, у которого отобрали винтовку, погрозили пальцем, а Марчу вместе с раненым приятелем посадили в кузов полуторки и куда-то повезли. Их охранял помощник Стрижака старший сержант Гена Захаров с автоматом за плечом.

Отъехав километра два, машина остановилась, уголовникам приказали слезать. Встревоженный Марча спросил, зачем.

— Ты глянь, красота какая, — вместо ответа сказал особист.

Действительно, чудный вечер опускался над степью. Сентябрь на Нижней Волге отличный месяц — спадает жара, исчезают комары. Река под обрывом дышала тишиной и покоем, лишь всплескивала крупная рыба.

— С вами, паскудами, и на рыбалку не выберешься, — меняя тон, раздраженно проговорил Стрижак. — Ну, пошли, чего встали.

Впереди виднелась разрытая глина, пахло смрадом. Раненый вор сделался белым как полотно и замедлил шаг. Он увидел шофера с лопатой в руке, а неприятный запах шёл из скотомогильника. Марча, тридцатилетний уголовник, имея за плечами много тёмного, не задумываясь шел на убийство, никого не жалел, и считался отчаянным уркой. Оказалось, одного человека он всё же любил — самого себя.

Он заговорил, пытаясь продлить последние минуты, найти выход из тупика. Заинтересовать особиста любой невероятной информацией о шпионах или ненадёжных болтливых командирах. В роте имелись люди, которые ненавидели советскую власть, Сталина, ждали немцев и собирались сдать. Но Стрижак лишь с досадой отмахнулся от ненужных слов и поторопил помощника.

— Заканчивай, Геннадий...

Сержант открыл огонь с пояса, затем поставил оружие на предохранитель и с помощью шофера сбросил тела в яму, где лежала павшая лошадь. Морща нос, шофер торопливо забрасывал расстрелянных землей.

— Неприятное соседство, — проговорил он.

— Ничего, лошадка не обидится, — понял по-своему сержант с автоматом.

Особист стоял у машины, неторопливо курил, наблюдая, как медленно опускается над степью тихий сентябрьский вечер.